

ЖИЗНЬ,
РАССКАЗАННАЯ
ЕЮ САМОЙ

Я не могу иначе

Валентина
Толкунова

Валентина Васильевна Толкунова
Анна А. Староминская
Я не могу иначе. Жизнь,
рассказанная ею самой
Серия «Уникальная
автобиография женщины-эпохи»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17203263

Я не могу иначе. Жизнь, рассказанная ею самой: Э; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-85895-8

Аннотация

Эта книга – уникальная автобиография Валентины Толкуновой, рассказанная ею незадолго до ухода из жизни. В конце пути, уже зная, что она безнадежно больна, великая певица делится личным пониманием мира и своей жизни в искусстве, по-настоящему раскрываясь и переосмысливая все самое сокровенное. При жизни Валентина Толкунова была человеком достаточно закрытым, близко к себе подпускала не всякого. И вот теперь ее голос звучит нежной флейтой со страниц книги, трепетно приоткрывая ту «затаенную красоту души», которую эта блестящая русская певица видела в каждом, которой она сама обладала в полной мере.

Содержание

Из памяти...	6
Народный артист СССР. Иосиф Кобзон	7
Народный артист России. Игорь Крутой	11
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валентина Толкунова
Я не могу иначе. Жизнь,
рассказанная ею самой

© Староминская А. А., 2016

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Из памяти...

Народный артист СССР. Иосиф Кобзон

Профессия артиста всегда казалась заманчивой, привлекательной, интересной для многих. Эстрада не знала недостатка в певцах и актерах, и по сей день это так.

Валя Толкунова относилась к тем молодым, красивым людям, что стремились на сцену, в музыку, в сферу культуры. Выдающимися вокальными данными она не обладала, да и не претендовала на это, но была поистине музыкальна, с приятным, душевным тембром голоса.

В самом начале своего пути, в ВЮ-66 под руководством Юрия Саульского, она набиралась опыта, исполняя джаз и готовя себя к карьере эстрадной певицы. После расставания с Саульским Валентина оказалась в одиночестве, как в личном, так и в творческом смысле. Мы с ней встретились, и я спросил: «Чем сейчас занимаешься?» Она ответила: «К сожалению, ничем». Я предложил Валюше прийти к нам, в Москонцерт. В то время существовал художественный совет, и она пришла на прослушивание. Нельзя сказать, что Валя произвела на членов совета сильное впечатление, но концертов в то время было в избытке, имелась возможность работать, и я настоял на том, чтобы она осталась в Москонцерте.

К счастью, Игорь Крутой оказался свободен как аккомпаниатор и руководитель музыкального коллектива, и они

несколько лет концертировали вместе. Потом Валя Толкунова работала с блистательным пианистом Давидом Ашке-нази, подарившим ей необычайное творческое вдохновение. На протяжении долгого времени они выходили на лучшие площадки СССР, у нее появились первые шлягеры, которые запела вся страна: «Поговори со мною, мама», «Серебряные свадьбы», «Носики-курносики», а позднее – пронзительная, трагическая песня «Мой милый, если б не было войны».

Валя была красивой женщиной и привлекала не тем, чем сейчас принято привлекать публику: сексуальными нарядами или природными формами, выставленными напоказ. Она выходила скромно одетая, с длинной роскошной косой, такая светлая, уютная, своя... Многие воспринимали Валу как сестру, дочь, подругу, потому что ее песни были понятны и близки людям. Любая женщина могла исполнить у себя на домашнем празднике весь репертуар Толкуновой – настолько легко запоминались тексты и мелодии, согревая душу.

Будучи уже народной артисткой РСФСР и зная всех коллег по сцене, Валя держалась вдалеке от интриг, сплетен, закулисных игр. Все мы так или иначе обсуждали друг друга, были в курсе происходящего в семьях, она же не принимала участия в этих разговорах.

К сожалению, личная жизнь Толкуновой не удалась. Она была бесконечно счастлива рождению сына Николая, говорила о нем не иначе как: «Мой Коленька!», но даже Коля, повзрослев, не принес ей радости, и что бы сейчас ни гово-

рили, будто он всегда находился рядом, – это не так.

Валя была очень одинока. Я не боюсь этого определения, потому что такова правда. Ее супруг, писатель, журналист-международник Папоров, находился на другом краю земли; понять и принять Валину потребность жить творчеством ему оказалось непросто, и они продолжали жить в разных концах планеты.

У нас с Вале́й есть общие друзья в Украине. Мы часто бывали с ней в Киеве по приглашению народного артиста Украины Яна Табачника, вместе ездили в Петербург, часто встречались на общих концертах и, как сейчас принято говорить, на корпоративных мероприятиях. Вся жизнь фактически прошла бок о бок.

Толкунова была, есть и остается для любого артиста того периода, а также всех людей среднего возраста очаровательной женщиной и замечательной певицей, которая излучала тепло и свет. Я считаю, ее нишу никому занять не под силу, потому что к такому репертуару необходима ее душа. Валентине было дано исполнять проникновенно и светло даже такие песни, как «Мы на лодочке катались», а это задача далеко не из простых.

Толкунова никогда не выставляла напоказ свою религиозность, хотя являлась глубоко верующим человеком. Она была просто удивительной: высокопорядочной, исключительно коммуникабельной, но при этом ненавязчивой, тактичной, деликатной и скромной, подчас до застенчивости. Такой я ее

знал и такой буду вспоминать.

Народный артист России. Игорь Крутой

Впервые мы встретились с Валентиной Васильевной у нее дома, в однокомнатной квартире на улице Чехова. Привел меня к ней главный администратор Театра им. Ленинского комсомола Николай Анатольевич Басин, чтобы поговорить о создании оркестра – эта идея была приоритетной для Толкуновой в тот период времени. Обычно она работала под аккомпанемент пианиста или выступала с оркестром Юрия Васильевича Силантьева. Меня привели «на смотрины» в качестве музыкального руководителя коллектива. Как только я дал свое согласие, у нас начались довольно интенсивные встречи.

Следующая наша встреча состоялась уже на улице Горького – Валентина Васильевна получила там квартиру. Я пришел в самом разгаре репетиции песни «Мой милый, если бы не было войны» с Давидом Ашкенази и мгновенно окунулся в особую, толкуновскую атмосферу. Песня, безусловно, великая: музыка Марка Минкова, стихи Игоря Шаферана и, вдобавок ко всему, великий аккомпаниатор. Вот так я, с места в карьер, оказался в гуще событий. Над песней Толкунова работала уникально. Давид Владимирович многое ей подсказывал, она чутко реагировала, и для меня эти полтора часа пролетели как одно мгновение. Надо сразу отметить,

что опыт, приобретенный за шесть лет работы с Толкуновой, очень пригодился мне в дальнейшем.

У нее был свой подход к песне, к тому, как должен звучать оркестр, хотя в этом вопросе я зачастую был с ней не согласен; мы много спорили, обсуждали музыкальные нюансы. Я набирался опыта на гастролях и четче понимал, какими именно должны быть аранжировки для Толкуновой, какие инструменты мы задействуем дополнительно. В итоге мы рискнули и ввели в ансамбль домры, что было довольно необычно для вокально-инструментальной группы.

Валентина Васильевна – суперпрофессиональная певица. Что бы у нее внутри ни происходило, она относилась к гастролям и к публике с необычайным уважением, а публика это чувствовала и отдавала ей свою любовь.

Мы неоднократно выступали на огромных площадках (я пришел в тот момент, когда она еще собирала дворцы спорта), но преимущественно залы были тысячными-полутысячными. Люди, приходившие послушать Толкунову, бесконечно обожали ее, от первого до последнего зрителя. Ей писали записки «Вы вернули меня к жизни», «Я думал, что жизнь закончилась, и только Ваш голос помог», «Вы подарили мне новое понимание счастья». Такая переписка с любимой певицей шла на протяжении всей ее творческой жизни; люди писали ей, находясь в состоянии нервного срыва и прося о помощи – или выражая глубокую признательность за свет, который она излучала. Для своей публики Толкуно-

ва была богиней, посланницей свыше. Поклонники ее обожествляли, исцелялись ею и даже говорили, что ее песни облегчают физическую боль.

Валентину Васильевну очень любила наша армия. Каждый год мы ездили по линии ЦДСА (Центральный дом Советской Армии) в разные войска, ежегодно гастролировали по Германии и Польше. Польшу я запомнил особо отчетливо, поскольку в то время готовился к поступлению в консерваторию и параллельно с концертами разучивал программу к экзаменам: нашел себе в Доме офицеров пианино и бегал туда заниматься.

Гастроли в Германии были настоящим праздником: после каждого концерта случались пышные банкеты. Толкунова никогда не чуралась нас, музыкантов, и всегда приглашала к активному участию в веселье, просила говорить тосты, чтобы мы учились свободно и непринужденно общаться. Она и сама любила поднять бокал и сказать несколько хороших фраз, причем говорила красивым, образным и правильным языком, великолепно выражая свои мысли. Наиболее ценным я всегда считал глубокий смысл, неизменно присутствовавший в ее речах.

Хочу заметить, Толкунова была непростым человеком. Не всегда тот образ, который она несла со сцены, соответствовал ей на все сто, хотя во многом, конечно же, это была она, настоящая. С одной стороны, Валентина Васильевна могла на сцене при любых обстоятельствах собраться, взять себя

в руки и сохранить особую подачу; с другой стороны, бывали моменты, когда во время песни она оборачивалась к нам, музыкантам, и с ее лица сходило лучезарное выражение. Таковым было присущее ей мастерство, личный профессионализм.

Поначалу я рассматривал работу с Валентиной Васильев-ной как возможность иметь стабильный заработок, опереться на известное имя. Уже потом у нас сложились теплые творческие и человеческие отношения.

Работая в коллективе Толкуновой, я благодаря Николаю Анатольевичу Басину параллельно выступал и с Володей Мигулей, и с Евгением Леоновым, и с Михаилом Сметанниковым, которому мы аккомпанировали в большой программе, насыщенной романсами и удивительно красивыми композициями. Я сдружился с Леоновым, он искренне и трогательно переживал за меня, а как-то раз предложил: «Давай мы с Вале́й сходим и попросим для тебя квартиру». Исходила эта идея от него, а Валентина Васильевна охотно ее поддержала. Все вместе мы приехали к Игорю Шахманову, вошли в кабинет, и Леонов буквально упал ему в ноги. Первый секретарь совершенно опешил, но вовремя кинулся поднимать Евгения Павловича.

Сначала Шахманов предложил выделить мне кооператив, но Толкунова мгновенно парировала: «У него же нет денег!», и это было чистой правдой – денег у меня тогда действительно не было. Тогда он распорядился найти комнату в комму-

налке, с соседкой не младше восьмидесяти лет. Так, благодаря Валентине Толкуновой и Евгению Леонову я получил свою первую жилплощадь в Москве.

Поездка к первому секретарю была всецело их инициативой: во-первых, Леонов очень тепло, по-отечески ко мне относился; во-вторых, они знали, что я разошелся с женой и переезжаю с одной съемной квартиры на другую. Для меня было сделано важное и доброе дело.

Мы не испытывали недостатка в гастрольях; концерты проходили интересно, при неизменных аншлагах. И с Толкуновой – моим первым гастролером – мне повезло во всех смыслах: нам предоставляли лучшие гостиницы, встречали на уровне секретарей горкома, а уж курьезов и смешных ситуаций было такое множество, что хватило бы на отдельную книгу. Много было связано с различными шутками и розыгрышами Ашкенази, но, к сожалению, о таком не рассказывают публично. Одним словом, всем нам было весело.

Валентину Васильевну очень любил Силантьев. Из всех исполнителей так сильно он любил лишь двоих – Магомаева и Толкунову. «Песня года» того времени состояла из огромного количества артистов, их репетиционное время с Эстрадно-симфоническим оркестром Всесоюзного радио и Центрального телевидения под управлением Юрия Силантьева было расписано по часам, но больше всего он обожал репетировать именно с ней. А уж как она обожала репетиции! Концерты концертами – на них она подпитывалась, об-

менивалась энергетикой с публикой, – но репетиционный период был для нее чрезвычайно важен. В ее третьей квартире на улице Жолтовского мы могли репетировать часами напролет, и она получала от этого огромное удовольствие. Иногда я грешным делом думал: «Поскорее бы уже смыться! У меня еще куча всяких дел», а она с воодушевлением предлагала все новые и новые варианты: «А что, если сделать так... А давай мы попробуем иначе».

Периодически мы выступали перед высокопоставленными людьми. Впервые концерт такого уровня прошел в Ялте при участии великого конференсье Эмиля Радова. Внезапно нам сообщили новость: «Завтра у вас концерт в Нижней Ореанде». В атмосфере тайны и недоговоренности нас привезли на летнюю площадку, где уже сидели в ожидании человек сорок, каждый из которых занимал должность не ниже заместителя министра СССР. В первом ряду сидели Галина Брежнева и Юрий Чурбанов.

Обычно на всех концертах во время исполнения песни «Вот кто-то с горочки спустился» зал вместе с Толкуновой пел припев. Валя очень тактично сказала «высоким» зрителям примерно следующее: «Я понимаю, что вы устали и хотите спокойно отдохнуть, но если у вас появится желание подпеть мне «Вот кто-то с горочки...», будет замечательно. Эту песню пела еще моя бабушка». В первом припеве ей никто не подпел, во втором тоже. Ожидался полный провал. В критический момент Галина Леонидовна Брежнева вдруг

запела, и все сорок человек дружно подхватили, потому что пела сама дочь генсека.

После концерта состоялся ужин, и брат Толкуновой, Сережа, спросил у Галины Леонидовны разрешения прикурить от зажигалки Чурбанова, лежавшей на столе. Она ответила: «Конечно! И возьми ее себе, я тебе дарю... пока Чурбанов не видит».

Я был знаком со вторым мужем Валентины Васильевны, Юрием Николаевичем Папоровым, импозантным, статным мужчиной. Еще до нашего с ним знакомства Римма Казакова отзывалась о Папорове как об исключительно одаренной личности.

Как-то раз он поехал с нами на гастроли в Среднюю Азию, в город Ош. Мы сидели в теплый день у озера и беседовали, а в Москве стояли холода. Он много, интересно рассказывал о своей работе в Мексике, о написанной им книге «Хемингуэй на Кубе».

Что касается Риммы Казаковой, знакомство с ней состоялось следующим образом: мы с Толкуновой поехали в Канаду по линии общения с соотечественниками. Это была довольно странная организация, непонятно кем финансируемая, и называлась «Встречи с соотечественниками». По тем временам любой выезд за рубеж считался редкой и почетной возможностью. Мы получили суточные еще здесь, в Москве, нам оплатили дорогу, и мы с Валентиной Васильевной оказались в Канаде. Нас принимали духоборы – кон-

фессия христианского направления, отвергающая внешнюю обрядность церкви. Еще Лев Толстой на гонорар, полученный за роман «Воскресение», помог им выехать за рубеж, и они поселились в канадской провинции Саскачеван. Выступив перед духоворами, мы дали концерт в посольстве.

Когда пришло время улетать, в аэропорту объявили, что в Советском Союзе со следующего дня вводится сухой закон. Мы, конечно же, бросились покупать спиртное, чтобы напоследок оторваться в полете, забыть который нельзя. Казалось, пьяны были не только пассажиры, но и экипаж – самолет периодически заносило и беспрерывно трясло; трио бандуристов из Украины исполняли уморительные куплеты... Одним словом, это был удивительно веселый рейс.

Примерно через час после взлета к Вале вдруг подошла какая-то женщина, и они расцеловались. Оказалось, это Римма Казакова, которой Толкунова сразу меня представила. Римма дала мне свой телефон, а со временем я случайно наткнулся на ее стихи, написал песню и позвонил ей. Так был создан репертуар для нескольких певцов, довольно быстро сделавшийся популярным: «Мадонна», «Вдохновение», «Ты меня любишь», «Безответная любовь», «Снежный мальчик». Во многом благодаря Толкуновой я встретил поэтессу, которой суждено было стать знаковой фигурой на моем творческом пути. Приятно, что наши с Риммой песни звучат по сей день.

К сожалению, я бы не сказал, что личная жизнь Вален-

тины Васильевны сложилась счастливо, в отличие от жизни творческой. Это была закрытая для обсуждений тема, но как люди, повсеместно находившиеся с ней рядом на гастролях, в перелетах, в гостиницах и на сцене, все мы понимали положение вещей.

Толкунова постоянно читала, анализировала; у нее был особый взгляд на мир, свои требования к людям, к музыке, к поэзии. Мы не являлись единомышленниками, даже чаще спорили, чем соглашались друг с другом, но беседы с ней доставляли неизменное удовольствие.

В 1987 г. я написал репертуар для Серова, и стало ясно, что мне пора двигаться дальше самостоятельно. Уходил я из коллектива Валентины Васильевны непросто.

Справедливости ради надо отметить, что Толкунову не обрадовал мой новый проект, но оставаться ее музыкальным руководителем у меня уже не было возможности: требовалось сконцентрироваться на работе с Серовым. Она написала письмо в дирекцию Москонцерта, что-то вроде жалобы: хотела, чтобы не я ушел от нее, а она меня уволила.

Я чувствовал новый, мощный виток в своей карьере, и Саша был всецело готов к стремительному взлету; в нем присутствовал кураж, колоссальная энергия. Когда «Мадонна» уже стала популярной, Толкунова, представляя меня со сцены, говорила: «Мой музыкальный руководитель – автор песни «Мадонна»». Зал взрывался аплодисментами, а она продолжала: «Но он не остановился на достигнутом, и в его

творчестве есть еще одна песня». А у меня уже был записан целый альбом с Серовым. Я думаю, с ее стороны это была обыкновенная творческая ревность, вполне понятная и объяснимая.

Я обратился к Валентине Васильевне с просьбой поручиться за Серова, которому выпал шанс принять участие в международном конкурсе. Поскольку Саша был в буквальном смысле слова бомжем (он выписался из Николаева, но еще не прописался в Москве), ему требовалось поручительство известной и уважаемой персоны, чтобы выехать за рубеж. По тем временам, возможно, это было немалым одолжением, но Толкунова не дала согласия, и меня обидел ее отказ.

К счастью, в нашей жизни все достойное, талантливое находит – так или иначе – свое место и свою публику. Саша был преисполнен артистического куража и готов к популярности. В итоге он все равно поехал – и победил, причем на двух конкурсах подряд.

Поскольку мой уход из коллектива был непростым, отношения с Валентиной Васильевной мы некоторое время не поддерживали. Позднее снова стали общаться, хотя и нечасто. Несмотря ни на что, я всегда говорил: «Пригласите Толкунову на «Песню года», так как понимал, что она олицетворяет огромный пласт нашей культуры и песни. Работа с ней дала мне бесценный опыт.

В какой-то момент Толкунова решила записать пластинку

на фирме «Мелодия». Мы настолько завелись на создание этого альбома, что стали непрерывно записывать, и все это в результате вылилось в два альбома. Редактором был Владимир Дмитриевич Рыжиков, который впоследствии сыграл в моей судьбе важную роль: он подписал нам с Серовым совместный альбом, в результате чего пластинка «Мадонна» разошлась тиражом 2,5 млн экземпляров. Рецензию к ней написала Валентина Васильевна Толкунова.

Хорошо, что острота в наших с ней отношениях прошла, время все сгладило, и мы снова стали общаться. Я помню, мы встретились на поминках Муслима Магомаева, потом на концерте его памяти, где она сидела рядом с Тамарой Синявской.

К моему юбилею создали фильм на канале РТР, куда вошло интервью с Валентиной Васильевной. Для меня это было приятным сюрпризом. Она говорила обо мне очень тепло, вспоминала смешные эпизоды, наши розыгрыши.

Молва то записывала ей в братья Льва Лещенко, то женила их. Я слевой очень дружу и знаю, что для него смерть Толкуновой стала страшным ударом. Он мне рассказал, как накануне ее последнего дня приехал в больницу; как светло она уходила, как была сильна духом, не проронила ни слезинки. Зная, что она уже пять дней не встает с постели, он уговаривал: «Надо ходить, Валя!», а она в ответ: «Я хожу, Левочка, ты только не волнуйся, я хожу». Они обнялись...

На похоронах Лещенко сказал мне: «Сегодня я весь день

буду сердцем и мыслями с Вале́й, и завтра тоже, и послезавтра. После поминок буду сидеть один, поминать и разговаривать с ней». Через неделю я снова встретил Леву. Он, все в том же состоянии потрясения, сказал: «Никак не могу отойти, никак не могу поверить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.